

УДК 94(477.75)

DOI: [HTTPS://DOI.ORG/10.5281/ZENODO.22792095](https://doi.org/10.5281/ZENODO.22792095)

ИНСТИТУТ БРАКА И СЕМЬИ В КАРАИМСКИХ И ЕВРЕЙСКИХ ОБЩИНАХ КРЫМА В КОНЦЕ XVIII – XIX ВЕКЕ

Прохоров Д. А.

*Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского
г. Симферополь, Российская Федерация
E-mail: prohorov1da@yandex.ru*

Проанализированы правовые и религиозные аспекты брачно-семейных отношений среди крымских караимов и евреев-раввинистов, нашедших отражение в материалах фондов Государственного архива Республики Крым и Российского государственного исторического архива, ранее не вводившихся в научный оборот, а также в ранее опубликованных источниках. Изучена динамика рождений, браков, смертей и разводов в этих этноконфессиональных группах населения Крыма. Рассмотрены документы, относящиеся к вопросам регулирования вопросов брака и семьи: брачные договоры, метрические книги, прошения, справки, иные сопутствующие материалы, сопровождавшие процесс документирования брачно-семейных отношений, а также разнообразные статистические сведения. Сделан вывод о том, что, несмотря на постепенную интеграцию караимов в российское языковое и культурное пространство, вплоть до второй половины XIX в. религиозные догматы и традиционные внутриобщинные нормы у них оставались неизменными. В сфере брачно-семейных отношений караимы руководствовались правилами, изложенными в Танахе, положениями, сформулированными в трудах караимских религиозных авторитетов средневековья, а также комментариями к этим сочинениям авторов Нового времени. Основными инстанциями в сфере принятия мер по соблюдению религиозных доктрин, регулированию семейных и брачных отношений являлись учреждения конфессионального самоуправления. Евреи-раввинисты в вопросах фиксации актов гражданского состояния действовали в соответствии с российским законодательством, предписывавшим ведение метрических книг для записи актов гражданского состояния раввинам. Многочисленные документы, иллюстрирующие эволюцию развития брачно-семейных отношений у евреев-раввинистов, а также статистику рождаемости, брачности и смертности караимских, еврейских и крымчакских общин Крыма, являются источником высокой информативной ценности, позволяющими провести научную реконструкцию прошлого этих этноконфессиональных общностей Крыма.

Ключевые слова: Крым, караимы, евреи-раввинисты, институт брака и семьи, религиозные традиции, демография, рождаемость, смертность, браки

В конце XVIII в. в Крыму в соответствии с данными, представленными в «Камеральном описании Крыма» (1784), проживало 1407 «жидов» (крымчаков и караимов) мужского пола [12, с. 159]. В 1783 г. в Карасубазаре насчитывалось 93 дома, занятых «жидами крымскими», в Бахчисарае – 217, в Гезлеве – 97, и в Кафе – 62 дома [11, с. 25]. Подробные сведения о караимской общине «пещерного города» Чуфут-Кале, как наиболее многочисленной в Крыму в конце XVIII в. (в то время она насчитывала 475 человек, а вместе с общиной Бахчисарая – 1162 мужчин и женщин караимского вероисповедания), дают представление о её половозрастном составе. В частности, возрастные группы караимской общины Чуфут-Кале в соответствии с данными IV и V

народных ревизий (проведенных в Крыму соответственно в 1792 и 1796 гг.) распределились следующим образом (учитывались как купцы, так и представители мещанского сословия, а также члены их семей, включая детей и женщин). Детей от 1 года до 9 лет включительно насчитывалось 141 (68 мал., 73 дев.); от 10 до 19 лет – 104 (63 мал., 41 дев.); взрослых от 20 до 29 лет – 89 (52 муж., 37 жен.); от 30 до 39 лет – 57 (34 муж., 23 жен.); от 40 до 49 лет – 38 (21 муж., 17 жен.); от 50 до 59 лет – 30 (23 муж., 7 жен.); от 60 до 69 лет – 11 (7 муж., 4 жен.); от 70 до 79 лет – 4 (2 муж., 2 жен.); от 80 до 89 лет – 1 муж. Число умерших караимов на момент проведения переписей составило 16 чел. (11 муж., 5 жен.) [8, л. 85–108 об.].

С началом административного и экономического освоения российскими властями Северного Причерноморья в Крым переселяются представители различных этносов и приверженцы разных конфессий из других губерний Российской империи. В числе переселенцев находились и еврей-ашкеназы, приток которых в данный регион прослеживается с 1791 г., когда императрица Екатерина II разрешила «польским евреям» селиться в Новороссии, а именно, в Екатеринославской, Херсонской губерниях и в Таврической области [18, с. 129–145].

К середине XIX в. численность караимских общин как в самой Таврической губернии, так и в городах других губерний Российской империи постепенно возросла. Так, например, в 1859 г. в Таврической губернии насчитывалось 3717 караимов (1881 муж. и 1836 жен.) [3, л. 70]. Что касается брачно-семейной и демографической статистики, то в 1861 г. в караимских общинах Таврической губернии заключили 36 браков; родилось 196 чел. (101 дев. и 95 мал.), а умерло – 141 чел. (90 муж. и 51 жен.) [4, л. 83, 85–86]. В 1865 г. в Таврической губернии всего проживало 10 910 евреев и крымчаков (5507 муж. и 5403 жен.) [20, л. 27–28].

Несмотря на постепенную интеграцию караимов в российское языковое и культурное пространство, вплоть до второй половины XIX в. догматы караимской религии, а также большинство внутриобщинных устоев оставались в рамках существовавшей веками традиции. И это касалось, прежде всего, сферы брачно-семейных отношений, которые регулировались в соответствии с текстами Пятикнижия (Исх 22:16–17; Втор 22:13–21, 28–29), а также с положениями, закрепленными в трудах караимских авторов средневековья и Нового времени (Аарона II Никомидийского, Эльягу Башиячи, Авраама Луцкого). Контроль за соблюдением брачно-семейных традиций и догматических правил при отправлении религиозных обрядов у караимов осуществляло Таврическое и Одесское караимское духовное правление (ТОКДП), учрежденное в 1837 г. в Евпатории. Стремление к укреплению связей внутри караимской общины требовало соблюдения чистоты вероисповедания. Лица, вступающие в брак, должны были исповедовать караимизм, а будущие супруги – достичь совершеннолетия. При этом девушке на момент замужества должно было исполниться 16 лет, а юноше – не менее 18 лет; требовалось также согласие на брак от них обоих. В случае отказа мужа от караимского вероисповедания жена у караимов считалась свободной и могла повторно вступить в брак (в том случае, если бы она стала вдовой – тогда как у евреев-раввинистов отказ от вероисповедания не приводил к разрыву брачных уз).

Перед вступлением в брак составлялся акт помолвки, проходившей, как правило, в присутствии духовного лица. Караимский газзан отдавал отцу невесты дар жениха со словами: «Поскольку такому-то юноше понравилась ваша дочь, и он хочет жениться на ней, а вы одобрили его предложение, поэтому по его просьбе вручаю вам это золото, как дар [по случаю предстоящей] его женитьбы» [16, с. 246]. Непосредственно перед обрядом бракосочетания между женихом и невестой составлялся брачный договор – *шетар*, а его оформлением занималось духовенство (*газзан* или *шамаш*) местной общины, где проходила церемония. В галахическом праве караимов шетар считался документом обязательной юридической силы, и подтверждался подписями свидетелей. Именно шетары принято считать наиболее содержательными источниками, отражающими многие коллизии брачно-семейных отношений караимов. Общее количество таких документов в коллекциях архивных и музейных учреждений Республики Крым сегодня составляет немногим более 60 экземпляров (в частности, в фондах Государственного архива Республики Крым выявлено 23 шетара) (рис. 1) [24, с. 93–108].

Как правило, караимский шетар состоял из трех частей. В первой части текста документа (*шетар-ниссуин*) передавалось основное содержание договора и перечислялись его действующие лица. Во вторую часть (*шетар-кетуббин*) вносился список приданого, принесенного невестой в дом жениха. Третья часть представляла собой подписи свидетелей (*шошбини*). Сохранились и подробные описания караимских свадебных традиций и церемоний у караимов, составленные их очевидцами. Так, например, свои впечатления от подобного события оставили видный представитель общественности Таврической губернии XIX в. О. Тэр-Абраамян, губернский статистик Ф. М. Домбровский, а также караимский газзан С. А. Бейм. Вот как описывались приготовления к свадьбе. «В полдень жених, в сопровождении музыкантов, отправлялся в дом тестя, взяв с собой серебряный поднос с различными сладостями и бутылкой сладкой водки. Отнесение этого подноса являлось главным сигналом к началу свадьбы, который называли «ракы», «татлы»; поэтому вместо того, чтобы сказать, дескать, свадьба началась, говорили: «ракы, татлы (водку и сладости) отнесли». В тот день вечером у невесты собирались ее ровесницы-девицы в нарядных одеяниях, усыпанных жемчугами арахчинах, с округлых краев которых висели маленькие тачикские золотые монеты; на талии завязывали златосшитые пояса с серебряной или золотой пряжкой, а на шею надевали жемчужное кольцо, что называлось «инджелы гафасы». Также собирались родственники жениха и, разделившись в двух отдельных мужской и женской комнатах, пировали, танцевали, пели, веселились до рассвета» [16, с. 246–247].

Брак у караимов считался законным лишь при супружеском сожительстве, при наличии у супругов шетара, в котором указывалась стоимость и размер подарка жениха, а также непосредственно кеттуба – перечень приданого, принесенного в дом жениха невестой. Вместе с тем, брак мог быть объявлен несостоявшимся или даже незаконным в том случае, если эти условия не выполнялись. «На третий день [видимо, на второй отдыхали] в дом невесты приходили женщины-родственницы и девушки, для того чтобы отвести ее [невесту] в баню, что называется «гелин

иювмак». После возвращения [их] обратно, и за час до того, как жених придет в дом тестя, в дом невесты приходил раввин и несколько уважаемых людей, на лицезрение которым предоставлялся список приданого от отца невесты, написанный на двух отдельных листах бумаги, якобы подобно тому, как пророк Моисей написал десять заповедей на двух глиняных скрижалях» [16, с. 247].

Рис. 1. Караимский брачный договор (шетар) из фондов Государственного архива Республики Крым (ГАРК. Ф. 241. Оп. 1. Д. 1476. Л. 355)

Важная роль в свадебных обрядах отводилась не только старейшинам и шоибиним, подписывавшим шетар и, по сути, выступавшими третьей стороной брачного договора, придавая ему необходимую законность, но и близким родственникам жениха, а также *чиракчи* (*чыракчы*, *чракчи*) – лицу, игравшему роль своеобразного распорядителя на свадьбе. Он занимался организацией и руководством

всеми свадебными обрядами. Эта роль поручалась родителями жениха и невесты опытному в таких вопросах члену местной общины (как правило, выходцу из бедного сословия), который к тому же мог умело решить могущие возникнуть при исполнении свадебных обрядов недоразумения [2, с. 64]. Именно чиракчи с большим пирогом из сырой баранины (*куваты*) и калачом направлялся к жениху и его друзьям, и приглашал всех на венчание. «После того, как видели приданое и поздравляли [со свадьбой], женатые [и замужние] родственники садились за праздничный стол, а неженатые отправлялись в дом жениха, где с другими его родственниками пели и танцевали до тех пор, пока в 3 или 4 часа ночи чиракчи не отправлялся [к ним] и не приглашал жениха в дом невесты для совершения свадебного обряда. Вместе с женихом [в дом невесты] отправлялись также все [его] приглашенные, неся с собой тот пирог (кубетэ) со сладостями, который испекли родители жениха, чтобы по кусочку раздать гостям невесты» [16, с. 246–248].

Содержательное описание добрачных prelimинарий и свадебной обрядности, существовавших у караимов, оставил Ф. М. Домбровский, служивший в 1860-х годах в должности секретаря Таврического губернского статистического комитета (а ранее – переводчиком в канцелярии Таврического губернатора). В частности, он заметил, что в связи с отсутствием в 1857 г. в административном центре Таврической области, г. Симферополе, вместительного здания караимской кенасы (оно было возведено в губернской столице лишь в конце XIX в.), свадебная церемония проходила непосредственно в доме жениха, караимского купца 3-й гильдии. Ф. М. Домбровский, посетивший эту свадьбу, сообщил, что «обряд венчания будет происходить в 4 часа пополудни <...> На дворе уже играл оркестр национальной татарской музыки, составленный из пяти или шести зурн, даре и даула (огромного турецкого барабана), встречая каждого «почетного» посетителя особенно-пронзительными звуками зурн и самыми усердными ударами в даул; в комнатах, наполненных множеством посетителей, играл другой оркестр, только уже составленный из скрипок и одного или двух даре (бубен) <...> молодому и даже очень молодому раввину предстояло венчать две свадьбы в одной и том же комнате. Общество посетителей было очень многочисленно, но все состояло из одних мужчин и ни одной женщины. Последние находились в соседних комнатах, не показываясь в кругу мужчин. Две комнаты, так сказать, битком были набиты мужчинами: молодые и не женатые стояли, ходили, суеились, а старики и почетнейшие сидели на стульях и диванах, поставленных вдоль стен <...> Невесты в комнате еще не было, и она должна была быть введенною туда так, чтоб никто не видел ее лица. В ожидании обряда, музыка продолжала играть преусердно и подавались различные угощения, состоявшие из вин, разных вареньев и пр.» [10, с. 357].

Завершалась брачная церемония тем, что жениха одевали в свадебный костюм, при этом одновременно собирались подарки для последующей раздачи малоимущим членам караимской общины, после чего жениха отводили к невесте для совершения обряда бракосочетания. «Наконец начался самый обряд, именно «одевание жениха». Это самая тяжелая для него обязанность. Молодые люди подхватывают свою жертву и начинают ее раздевать совершенно, тогда как другие

приносят новые одежды, в которых молодой должен будет венчаться. Музыка начинает играть свадебные песни, а хор припевает различные причитания, по большей части импровизации. <...> По окончании одевания жених подходит ко всем старикам и почетнейшими посетителям и целует каждому руку, не исключая и старух, находящихся в другой комнате, отдельно от мужчин. После этого на большом подносе приносят подарки, делаемые женихом невесте. Подарки заключаются в более или менее ценных вещах, золотых монетах, золотых и серебряных запястьях для кушаков, серьгах, кольцах и т.п. принадлежностях женского туалета в восточном вкусе, и начинается публичная оценка подарков, производимая опытными и почетнейшими стариками. Последне-объявленная стоимость каждой вещи вписывается тут же в свадебный акт рукою раввина (газзана), и акт потом подписывается раввином и производившими оценку свидетелями. Внесенные в свадебный акт (род рядной записи) вещи делаются уже неотъемлемою собственностью будущей супруги. Во время производства оценки подарков невеста, незаметно для присутствующих, вводится в брачную комнату. По окончании оценки и по подписании свадебного акта, жених становится у занавеси, отделяющей брачную комнату от той, в которой находится раввин и прочие посетители, а за занавесью невеста, и раввин, прочитав, сидя, несколько молитв, передает книгу старикам, из которых каждый громко прочитывает несколько стихов. Обряд оканчивается тем, что раввин, подойдя к жениху, прочитывает перед ним довольно длинную молитву, подавая сперва жениху, а потом стоящей за занавесью невесте, вино; в промежутке чтения тот же раввин кладет на голову жениха пепел, напоминая ему этим видимым знаком, что он прах есть и в прах превратится; наконец один из мальчиков, заменяющих наших дружек или шаферов, произносит поздравительные стихи и этим оканчивается религиозный обряд и возобновляется прежнее веселье и пляски. Жених остается между мужчинами, а невеста с несколькими женщинами остается в брачной комнате» [10, с. 357].

В вышеприведенных описаниях свадебных обрядов у караимов заметно сильное влияние крымскотатарской бытовой культуры. Для этого достаточно сравнить их с описаниями свадьбы у крымских татар; помимо этого, схожие традиции существовали также и у крымчаков [23, с. 65–73, 291–299, 409–411]. «Караимы, живя долгое время между мусульманами в Крыму, переняли многие их обычаи домашнего быта и религиозных обрядов, не касающихся основания их собственной религии», – констатировал член-сотрудник Императорского Русского Географического общества, член Таврического губернского статистического комитета караимский газзан С. А. Бейм [1, с. 179]. В середине XIX в. он собрал воедино и систематизировал сведения о традиционных свадебных ритуалах крымских караимов. Необходимо сказать, что наряду с этим строго соблюдалась и нормативная процедура свадьбы, сформулированная в караимских галахических сочинениях, например, таких, как: «Сефэр Ган-Эден» («Райская книга»; 1353 г.) караимского философа, юриста и литургического поэта средневековья Аарона II Никомидийского (а именно, раздел «Седер Нашим» – «О браке и разводе», Гл. 4); труд караимского автора XV в. Эльягу Башиячи «Сефер га-мичвот га-никра Аддерет Эльягу» («Книга заповедей, называемая

Аддерет Эльягу», или «Плащ Илии» – «объяснение Моисеевых законов и ритуалов»; Константинополь, 1531 г.); и, наконец, произведение Авраама бен Йосефа-Шеломо Луцкого «Иггерет зуг ве-нифрад» («Послание о чете и одиночке», или «Брак и развод»), принятая у караимов в качестве важнейшего источника права для решения вопросов о браке и разводе.

Что касается свадебной обрядности, существовавшей у евреев-раввинистов Крыма, то сведения о ней сохранились в травелогах и дневниках путешественников. Например, совершивший в начале XIX в. поездку по Крыму русский писатель, председатель Таврической судебной палаты Павел Иванович Сумароков стал очевидцем еврейской свадьбы, состоявшейся в Симферополе. Вот как он описывал это событие: «На другой день, пред вечером мусикийский глас возвестил прибытие сочетающихся. Отцы и матери посаженные шествовали впереди с зажженными свечами, жених облечен был в черную длинную епанчу, для воспоминания о смертном часе, невеста показалась с покрытою головою; их поставили на дворе, пред школою, рядом под балдахин и обряд возымел действие. По совершении Раввином коротких молитв, подавали им единожды отведать питья, жених же, надев кольцо на палец невесты, сказал: теперь она моя, и раздавил стакан в ознаменование, или окончания невинности, или что благополучие супружников, разрушением любви, бывает столь же бrenно, как то стекло. Наконец Раввин прочел бумагу, содержащую в себе положение обязанностей супругов, равно означение суммы на случай развода, и вручив ту бумагу новобрачной. Отправя таким образом сей обряд, пошли прежним порядком, с горящими свечами и музыкой, в дом новобрачного, где, подав ему 10 заповедей и хлеб, усадили их за стол, дали съесть по половине яйца, посыпанного золою, и поставили сладкое. Вечер прошел в танцовании, скачке, шуме; последовал ужин для молодых, отцев, матерей посаженных, родни, чету препроводили к брачному ложу, а гости остались допивать початые бутылки» [21, с. 65–66]. Из вышеприведенного фрагмента и иллюстрации к нему, сделанной художником А. де Палдо (состоявшего в должности форстмейстера, т.е. лесничего Крымского полуострова, и привлеченного П. И. Сумароковым в качестве сопровождавшего рисовальщика в его путешествии по югу России), очевидно, что высокопоставленный чиновник стал свидетелем свадьбы, состоявшейся в местной общине евреев-ашкеназов, переселившихся в Крым в конце XVIII – начале XIX в. (рис. 2).

Документальные материалы, относящиеся к эволюции института брака и семьи в еврейских и караимских общинах Российской империи в XIX – начале XX в., выявленные в фондах Государственного архива Республики Крым (ГАРК), в основном относятся к актам гражданского состояния (АГС). Речь идет, прежде всего, о караимских шетарах, метрических записях, свидетельствах о рождении, бракосочетании, разводах и о смерти, которые по соответствующим запросам выдавали (или же, напротив, отказывали в выдаче) учреждения иноверческого конфессионального самоуправления Российской империи. В частности, этим занималось ТОКДП в Евпатории и Троцкое караимское духовное правление в г. Троки Виленской губернии [17, с. 663–684; 19, с. 625–627].

В соответствии с принятым в 1837 г. «Положением об учреждении Таврического Караимского духовного правления», в рамках административного регулирования религиозной жизни караимов была сформирована система учета актов гражданского состояния. Центральную роль в ней играл гахам – духовное лицо, отвечавшее за организацию учета демографическо-статистических показателей в общинах. В его обязанности входило ежегодное снабжение приходских газзанов шнуровыми тетрадями (метрическими книгами), заверенными его подписью, что обеспечивало юридическую силу записям. Гахам также осуществлял контроль за фиксацией ключевых демографических событий: рождения, бракосочетания, разводов и смерти; занимался сбором заполненных книг в конце каждого отчетного периода; осуществлял проверку достоверности представленных газзанами сведений, обобщал данные и отвечал за составление итогового отчета. Этот документ вместе с сопутствующими ведомостями направлялся в Департамент духовных дел иностранных исповеданий (ДДДИИ) МВД, что позволяло ведомству получать систематизированную информацию о демографической ситуации в караимских приходах. Данная практика отражала стремление имперской администрации к централизации учета населения, включая представителей инородческого населения и религиозных меньшинств.

Рис. 2. Еврейская свадьба (худ. А. де Палдо. Из книги: Сумароков П. А. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. Ч. 1. 1803 г.)

13 апреля 1835 г. в России вступило в силу новое «Положение о евреях», в соответствии с которым определялись новые правила жительства и передвижения евреев в империи. Один из пунктов «Положения» 1835 г. гласил, что браки между евреями тоже не дозволяются прежде достижения женихом 18, а невестой – 16 лет. В тексте закона говорилось, что «те же, кои впредь вступят в брак прежде сего возраста, а равно родители или старшие родственники, к тому их побудившие или допустившие, и самые лица, брак таковой совершившие, подвергаются тюремному заключению от двух до шести месяцев, по усмотрению Суда» [14, с. 311].

Во второй половине XIX в. в Российской империи продолжала совершенствоваться система учета населения. 20 апреля 1853 г. было принято высочайше утвержденное мнение Государственного Совета «О еврейских метрических книгах», в соответствии с которым их ведение возлагалось на раввинов [15, с. 182–184]. Важным шагом в этом направлении стало издание циркуляра ДДДИИ МВД от 20 марта 1871 г., которым нормативно закреплялась обязанность раввинов по заполнению метрических книг. Это, прежде всего, фиксировало практику регистрации актов гражданского состояния в еврейских общинах, определило раввинов как ответственных лиц за достоверность и своевременность внесения записей и обеспечило унификацию учета демографических событий на общеимперском уровне. Помимо всего прочего, данный шаг позволил установить правовую основу для взаимодействия религиозных общин с государственными органами в сфере регистрации населения.

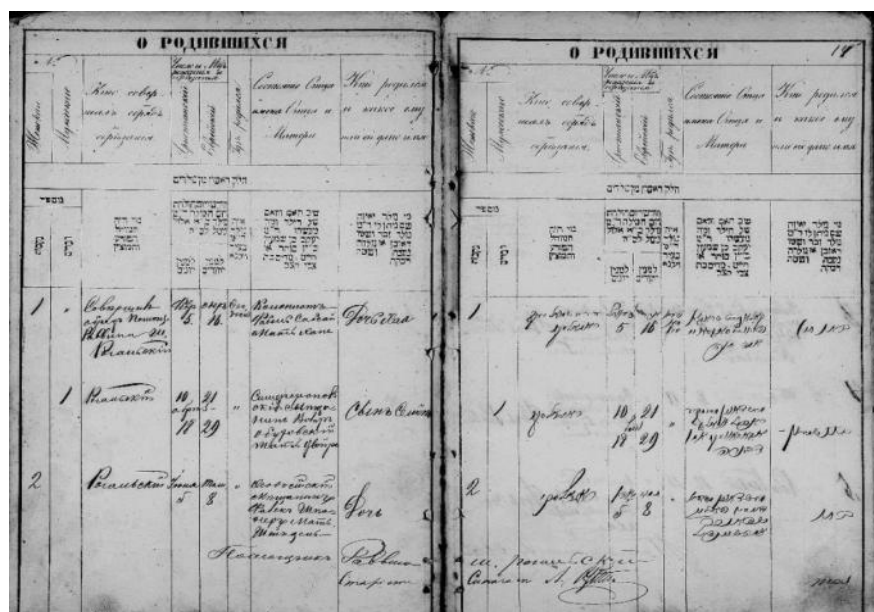

Рис. 3. Актовые записи о рождении в метрической книге Феодосийской еврейской синагоги (1869 г.) (ГАРК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 57. Л. 13 об., 14)

Отдельно оговаривались принципы ведения метрических книг, в которые, согласно циркуляра, каждый раввин в установленной форме должен был заносить следующие сведения: 1) порядковый номер (при этом отдельная нумерация велась для записей рождений младенцев мужского и женского пола); 2) имя ребенка; 3) имя и социальное положение совершившего обряд обрезания; 4) дату рождения и дату обрезания у младенцев мужского пола (для девочек – дату наречения) в соответствии с христианскими и еврейскими календарями; 5) фамилию, имя, отчество и социальный статус отца, имя матери [14, с. 319]. Так, например, выглядела актовая запись о рождении детей в метрической книге Феодосийской еврейской синагоги за 1869 г. (рис. 3).

Запись о бракосочетании у евреев предполагала заполнение следующих граф: 1) порядковый номер; 2) возраст жениха и невесты; 3) кто именно совершал обряд; 4) дата венчания по христианскому и еврейскому календарям; 5) размер *ктуббы* (в договоре перечислялись обязанности мужа по отношению к жене, в том числе и выплата определенной денежной суммы в случае развода); 6) данные о свидетелях; 7) сведения о бракосочетавшихся, которые включали фамилии и имена жениха и невесты, информацию об их социальном положении. Например, в актовой записи о венчании из метрической книги Симферопольской еврейской синагоги за 1880 г. приводились детальные сведения о лицах, сочетавшихся браком, и участниках церемонии бракосочетания (рис. 4).

О БРАКОСОЧЕТАВШИХСЯ									
№	Имя жениха	Имя невесты	Возраст жениха	Возраст невесты	Дата венчания по христианскому календарю	Дата венчания по еврейскому календарю	Кто совершал обряд	Свидетели	Подпись
1	Израиль бен-Исак	Сара бен-Исак	25	20	1880	5740	Раввин	Исак бен-Исак, Исак бен-Исак	Исак бен-Исак
2	Исак бен-Исак	Сара бен-Исак	25	20	1880	5740	Раввин	Исак бен-Исак, Исак бен-Исак	Исак бен-Исак

Рис. 4. Актовые записи о бракосочетании из метрической книги Симферопольской еврейской синагоги за 1880 г. (ГАРК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 104. Л. 281 об., 282)

[illegible]

Четвертая часть метрической книги, озаглавленная «Об умерших», предполагала внесение данных: 1) о возрасте умершего лица; 2) о месте смерти и погребения; 3) о дате смерти в соответствии с христианским и еврейским календарями. Присваивался порядковый номер записи, единый для мужчин и женщин; указывались причина смерти; фамилия, имя и отчество умершего и его

социальный статус (ниже приведены актовые записи о смерти из метрической книги Керченской еврейской синагоги за 1880 г.) (рис. 6).

№	Год смерти и	Возраст	Пол	Имя умершего	Кто умер
25	1880	1 8 2	м	Бен-Давид	Бен-Давид
26	1880	2 7 10	ж	Бен-Давид	Бен-Давид
27	1880	4 11 26	ж	Бен-Давид	Бен-Давид
28	1880	10 11 18	ж	Бен-Давид	Бен-Давид
29	1880	12 19 10	ж	Бен-Давид	Бен-Давид
30	1880	19 16 3	ж	Бен-Давид	Бен-Давид
31	1880	27 4 14	ж	Бен-Давид	Бен-Давид
32	1880	29 6 2	ж	Бен-Давид	Бен-Давид

Рис. 6. Актовые записи о смерти из метрической книги Керченской еврейской синагоги за 1880 г. (ГАРК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 97. Л. 64 об., 65)

Отметим, что существовавшее ранее требование об обязательности представления записей о бракосочетании при внесении в метрические книги актов о рождении Сенат вскоре аннулировал. При отсутствии таких метрик раввины должны были довольствоваться другими доказательствами законности брака, а именно: посемейными списками, паспортами, метриками о рождении от такого брака других детей и пр. [13, с. 624].

В конце 80-х годов XIX в. известный крымский медик, доктор медицины, санитарный врач Симферополя и действительный член Таврической ученой архивной комиссии (ТУАК) Абрам Яковлевич Гидалевич предпринял обстоятельное исследование, посвященное медико-топографическому описанию Симферополя. Данный труд также является ценным источником по изучению истории брачно-семейных отношений и демографической ситуации, сложившейся в караимских и еврейских общинах административного центра Таврической губернии в конце XIX в. На основе анализа разнообразных статистических сведений и выводов из врачебных наблюдений А. Я. Гидалевич сделал ряд важных заключений.

Например, им были проанализированы билингвальные (на русском и еврейском языках) метрические книги еврейского населения Симферополя, хранившиеся у местного раввина. Помимо этого, он изучил метрические книги караимов, составленные на караимском языке – частично имевшиеся у Симферопольского газзана (за период 1884–1887 гг.), и большую их часть, собранную в Евпатории, в архиве ТОКДП. А. Я. Гидалевич воспользовался переводами караимских метрических книг на русский язык, которые выполнил для него симферопольский караимский газзан И. М. Султанский; остальные документы снабдил переводом Таврический и Одесский караимский гахам С. М. Панпулов [9, с. 121].

В частности, было установлено, что за 10-летний период в Симферополе всего было заключено 3304 брака (что составило 1 брак на 104,4 жителя, или же на 100 жителей пришлось 0,958 браков), а в масштабах всей Таврической губернии – 0,96 браков на 100 чел. При этом у евреев-раввинистов и караимов (которых А.Я.Гидалевич объединил в одну группу как представителей иудейских общин) среднегодовое число браков составило 55,7; соответственно, при 14,5 браках на 100 чел. (или 1 брак на 69 жителей). Для сравнения – наибольшая частота браков в Симферополе была зафиксирована у мусульман (71,9 в год), а наименьшая – у русского православного населения (в эту категорию были включены и греки – 7,6 браков на 100 чел.). Помимо этого, данные статистики продемонстрировали, что у лиц христианских вероисповеданий число повторных браков составляло 15–20%, у евреев – 30–33%, у мусульман – 47% от всего числа заключенных браков. При этом браков между холостяками и девицами у евреев-раввинистов было заключено 70,2%, у караимов – 67,0%; браков между холостыми и вдовами у евреев – 6,3%, у караимов подобных браков не было; браков между вдовцами и девицами у евреев – 11,3%, у караимов – 26%; браков между вдовцами и вдовами у евреев – 12,2%, у караимов – 7,0%. Для сравнения: между холостыми мужчинами и девицами у русского православного населения было совершено 82,7% браков (и среди христианских конфессий в целом – 80–85%), а у крымских татар – всего 53,5% браков.

Такую существенную разницу в показателях А.Я. Гидалевич объяснял тем, что у евреев, караимов и крымских татар религиозными правилами допускались разводы, «которые очень легко производятся; для этого достаточно только согласия обеих сторон, или даже одной только – мужчин у татар». Вместе с тем он отметил, что среди евреев, проживавших, например, в Могилеве, повторных браков было заключено больше, чем среди представителей еврейской общины Симферополя [9, с. 124–125, 136–137]. Необходимо также подчеркнуть, что бракоразводные процессы у представителей еврейской и караимской общин были довольно сложным мероприятием, и осуществлялось только в ходе «строного расследования, произведенного духовенством», причем право на расторжение брака имел не только муж, но и жена. При этом сведения о разводах в статистику по губернии практически не попадали, оставаясь востребованными только для внутреннего пользования духовных правлений [2, с. 61; 17, с. 668].

Санитарный врач Симферополя заключал, что в сравнении с русскими, у евреев и караимов мужчины вступали в брачные отношения в так называемом

«преждевременном» и раннем возрастах на 7% больше, в «своевременном возрасте» – на 3%, и уже в более зрелом возрасте – на 4% меньше, чем это происходило у русских. Еврейки и караимки выходили замуж в преждевременном и раннем возрастах также на 7% больше, но в своевременном – на 4% меньше (а в «поздних» возрастах – на 3%), чем это происходило у русских женщин [9, с. 134]. Случаи раннего замужества караимских девушек отмечались в имперской документации и ранее, например, в ходе проведения IV и V ревизий, или народных переписей населения в конце XVIII в., что объясняется нормами брачного законодательства в иудаизме. Так, например, в караимской общине Чуфут-Кале многим девушкам, которых выдавали замуж в период с 1790 по 1796 г., исполнилось на момент замужества по 13–15 лет [8, л. 86 об., 87 об., 90, 98 об., 99 об., 100, 105].

Во второй половине 1880-х гг. в караимской общине отмечалось небольшое, по сравнению с серединой XIX в., количество многодетных семей – в каждой из них, в основном, насчитывалось от одного до трех детей. Среди караимов Симферополя в 1880-х гг. вступившие в брак распределялись таким образом: до 16 лет – 2; в 17–18 лет – 11; от 19 до 20 лет – 8 (причем абсолютное большинство вступивших в брак составляли лица женского пола); от 20 до 25 лет – 36; от 26 до 35 лет – 33; от 36 до 50 лет – 12; старше 50 лет – 7 (мужчин – 54; женщин – 34). Наибольшее число новорожденных в караимских семьях появлялось на свет зимой (295), а наименьшее – осенью (173). Соотношение числа новорожденных: на 100 девочек приходилось 90 мальчиков. Детская смертность составляла: 31 ребенок в возрасте до 1 года (на 170 родившихся) и 76 детей в возрасте до 5 лет. В целом число новорожденных караимов было, как и число заключенных в караимской среде браков, довольно низким – соответственно, на каждую тысячу человек приходилось 5 браков и 15 новорожденных [9, с. 12–14, 148, 158].

Что касается еврейского населения, то вплоть до последней четверти XIX в. число детей в семье как правило зависело от физиологии и возможностей супругов. В 1860-х гг. еврейская женщина к концу детородного периода в среднем имела до 7–8 деторождений (иногда 10–15). В конце XIX в. уровень рождаемости у евреев стал резко снижаться, и в начале XX в. он был уже одним из самых низких в Российской империи. Наибольшее число новорожденных в еврейских семьях Симферополя появлялось на свет зимой (280), а наименьшее – весной (235). При этом наибольший процент многоплодных родов наблюдался у караимов и русских, а наименьший – у евреев-раввинистов и крымских татар [9, с. 150, 157, 158].

В соответствии с данными, собранными во время проведения Первой всеобщей переписи населения Российской империи 1897 г., в Таврической губернии (с учетом сведений по Севастопольскому и Керчь-Еникальскому градоначальствам) численность караимов по вероисповеданию составила 6166 человек (2835 мужчин и 3331 женщина). Всего же в России на тот период проживало 12 894 караимов (6372 мужчины, 6522 женщины) [22, с. X, 92, 93, 102]. Различной была их численность в городах. Например, в евпаторийской караимской общине, как наиболее многочисленной среди остальных караимских общин в регионе, насчитывалось 1505

караимов (670 муж. и 835 жен. в Евпатории, а также 1 муж. и 1 жен. – в Евпаторийском уезде). При этом здесь проживали караимы следующих возрастных категорий: 41 ребенок в возрасте до 1 года (17 мал., 24 дев.), от 1 до 9 лет – 290 (158 мал., 132 дев.), от 10 до 19 лет – 387 (156 муж., 231 жен.), от 20 до 29 лет – 244 (100 муж., 144 жен.), от 30 до 39 лет – 172 (90 муж., 82 жен.), от 40 до 49 лет – 129 (51 муж., 78 жен.), от 50 до 59 лет – 124 (43 муж., 81 жен.), от 60 до 69 лет – 74 (36 муж., 38 жен.), от 70 до 79 лет – 31 (16 муж., 15 жен.), от 80 до 89 лет – 13 (3 муж., 10 жен.). Долгожителей возрастом свыше 90 лет в караимской общине Евпатории в 1897 г. не было [22, с. 304–305].

Таким образом, на основании выявленных материалов можно сделать ряд выводов. Были проанализированы, систематизированы и обработаны данные о прошлом еврейской, караимской и крымчакской общин Крыма конца XVIII–XIX вв. В процессе рассмотрения письменных источников, в которых сохранилось описание свадебных обрядов и обычаев, существовавших у еврейского, караимского и крымчакского населения Крымского полуострова, были определены некоторые сходства и различия. Так, например, в соответствии с патриархальными принципами, действовавшими в иудейских общинах, решение о заключении брака принимали старейшины, и, прежде всего, отцы семейств, нередко при участии уважаемых членов общины. Мнение жениха и невесты учитывалось мало или вовсе не являлось определяющим. Ранние договоренности о брачных союзах также были одной из характерных черт добрачных прелиминарий у евреев, караимов и крымчаков: обычай договариваться о браке еще в детстве (или в раннем подростковом возрасте) был распространен в большинстве этих этноконфессиональных групп. Такие соглашения воспринимались как способ укрепить экономические и социальные связи между семьями.

Свадебный сговор определялся как юридический и общественный акт. Фактический «договор о браке» заключался между семьями: заранее оговаривалось приданое, условия содержания жены, иногда – взаимные обязательства для супругов. Это сближало традиции с договорными моделями брака в традиционных обществах.

Свадебный цикл в еврейской ашкеназской общине строго следовал галахическим правилам. Ключевыми моментами были *кидушин* (обручение) и *нисуин* (собственно брак), а также подписание *ктубы* – брачного контракта, в котором закреплялись гарантии для супруги. Свадьбу обычно устраивали в субботу, а ритуалы подразумевали использование *хупы* (балдахина), и включали разбивание стакана, посыпание пеплом и другие символические действия. Большое значение для придания свадьбе законного характера имела роль раввина и общинных посредников.

Брак между караимами тоже оформлялся как семейный договор, а религиозные вопросы решали гахам, общинные газзаны и старейшины. Обряды были менее ритуализированы, чем у евреев-раввинистов, и в большей степени опирались на бытовые и общинные нормы. При этом караимские семьи придавали особое значение чистоте рода и репутации, поэтому предварительные переговоры могли быть довольно обстоятельными. Важнейшим документом, скреплявшим законный брак у караимов, считался брачный договор *шетар*, в котором прописывались как права и обязанности супругов, так и детально перечислялись предметы из приданого, приносимого в дом

жениха невестой. Одновременно со строгим соблюдением норм галахического права многие элементы свадебных традиций были заимствованы караимами из крымскотатарской (мусульманской) свадебной обрядности. При этом браки между караимами и крымскими татарами строго запрещались в соответствии с догматами караимизма и распоряжениями органов караимского конфессионального самоуправления (хотя в конце XIX – начале XX в. такие брачные союзы уже не считались редкостью).

У крымчаков в свадебной обрядности сочетались элементы иудейской ритуальности и местных крымских обычаев. Свадебные обряды могли включать как религиозные элементы (чтение молитв, благословение), так и народные: особые песни, угощения, ритуалы перехода невесты в дом мужа. В связи со сравнительно небольшой численностью общины (значительная часть крымчакского населения проживала в Карасубазаре) и тесных связей внутри неё договоренности о браке могли быть еще более «закрытыми» и опирались на устные обязательства, а не на формальные документы.

С целью получения сведений об этническом, конфессиональном, языковом и половозрастном составе караимской и еврейской раввинистической общин, а также для выявления уровня рождаемости, брачности и смертности караимского и еврейского населения, их причин и последствий рассмотрены документы, относящиеся к актам гражданского состояния, среди которых следует выделить метрические книги, свидетельства, брачные договоры, справки и сводные ведомости. Также исследованы особенности социальной стратификации общин, их численность, социальные группы и сообщества.

Необходимо констатировать, что изученные материалы обладают высоким информационным потенциалом, применимым в контексте изучения прошлого иудейских общин Крыма. В частности, в документах, выявленных в архивных фондах ГАРК и РГИА, приведены посемейные списки членов караимских, крымчакских и еврейских общин с указанием гендерных и возрастных данных; сведения о рождении, бракосочетании, разводах и о смерти; погодные и ежемесячные сводные ведомости о движении населения. Исследовательский интерес также представляют формулярные списки отдельных священнослужителей и чиновников, ранее не вводившиеся в научный оборот. В архивных документах содержится информация, отражающая самый разнообразный спектр вопросов экономической, общественной, духовной и культурной жизни представителей еврейской, караимской и крымчакской общин Крыма конца XVIII – начала XX в.

Список использованных источников и литературы

1. [Бейм С. А.] Крымско-караимские свадебные обычаи и обряды за сто лет тому назад // Таврические губернские ведомости (ч. неоф.). – 1862. – № 20 – 19 мая. – С. 179–181; 189–192.
[Bejm S.A.] Krymsko-karaimskie svadebnye obychai i obryady za sto let tomu nazad // Tavricheskie gubernskie vedomosti (ch. neof.). – 1862. – № 20 – 19 maya. – S. 179–181; 189–192.
2. Бейм С. Память о Чуфут-Кале. – Одесса: тип. Х. Алексомати, 1862. – 82 с.
Bejm S. Pamyat' o Chufut-Kale. – Odessa: tip. H. Aleksomati, 1862. – 82 s.
3. Государственный архив Республики Крым (ГАРК). Ф. 241. Оп. 1. Д. 19.
Gosudarstvennyj arhiv Respubliki Krym (GARK), f. 241, op. 1, d. 19.
4. ГАРК. ф. 241. Оп. 1. Д. 37.
GARK, f. 241, op. 1, d. 37.
5. ГАРК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 57.
GARK. f. 142, op. 1, d. 57.

6. ГАРК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 97.
GARK. f. 142, op. 1, d. 97.
7. ГАРК. Ф. 142. Оп. 1. Д. 104.
GARK. f. 142, op. 1, d. 104.
8. ГАРК. Ф. 799. Оп. 1. Д. 423.
GARK. f. 799, op. 1, d. 423.
9. Гидалевич А. Я. Медико-топографическое описание города Симферополя. – Симферополь: тип. газ. «Крым», 1891. – VIII, 236 с.
Gidalevich A. Ya. Mediko-topograficheskoe opisanie goroda Simferopolya. – Simferopol': tip. gaz. «Krym», 1891. – VIII, 236 s.
10. Д-ский Фр. [Домбровский Ф. М.] Симферополь, 2 марта (внутренняя корреспонденция) // Санкт-Петербургские ведомости. – 1857. – № 71. – 30 марта. – С. 356–357.
D-skij Fr. [Dombrovskij F. M.] Simferopol', 2 marta (vnutrennyaya korrespondenciya) // Sankt-Peterburgskie vedomosti. – 1857. – № 71. – 30 marta. – S. 356–357.
11. [Лашков Ф. Ф.] Камеральное описание Крыма 1784 года (продолжение) // Известия ТУАК. – 1888. – № 7. – С. 25–45.
[Lashkov F.F.] Kameral'noe opisanie Kryma 1784 goda (prodolzhenie) // Izvestiya TUAk. – 1888. – № 7. – S. 25–45.
12. Лашков Ф. Ф. К вопросу о количестве населения Таврической губернии в начале XIX в. // Известия ТУАК. – 1916. – № 53. – С. 158–176.
Lashkov F. F. K voprosu o kolichestve naseleniya Tavricheskoj gubernii v nachale XIX v. // Izvestiya TUAk. – 1916. – № 53. – S. 158–176.
13. Леванда В. О. Полный хронологический сборник законов и положений, касающихся евреев, от Уложения царя Алексея Михайловича до настоящего времени, от 1649–1873 г.: Извлечение из полных собраний законов Российской империи / Сост., изд.: В. О. Леванда. – СПб.: Тип. К.В. Трубникова, Литейная, 42, 1874. – IV, 1158, XVIII с.
Levanda V. O. Polnyj hronologicheskij sbornik zakonov i polozhenij, kasayushchihsya evreev, ot Ulozheniya tsarya Alekseya Mihajlovicha do nastoyashchego vremeni, ot 1649–1873 g.: Izvlechenie iz polnyh sobranij zakonov Rossijskoj imperii / Sost., izd.: V. O. Levanda. – SPb.: Tip. K.V. Trubnikova, Litejnaya, 42, 1874. – IV, 1158, XVIII s.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2 (ПСЗРИ–2). – СПб.: Тип. Второго Отд-ия Собственной Е. И. В. Канцелярии, 1830. – Т. 10: 1836.
Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sbranie 2 (PSZRI–2). – SPb.: Tip. Vtorogo Otd-ia Sobstvennoj E. I. V. Kancelyarii, 1836. – T. 10: 1835.
15. ПСЗРИ–2. – СПб., 1854. – Т. 29, Отд. 1: 1854.
PSZRI–2. – SPb., 1854. – T. 29, Otd. 1: 1854.
16. Петросян В. М. Этнографическое описание армян, татар, ногайцев и караимов в книге О. Тэра-Абраамяна «История Крыма» // Крымский архив. – 2009. – № 9. – С. 228–251.
Petrosyan V. M. Ehtnograficheskoe opisanie armyan, tatar, nogajcev i karaimov v knige O. Tehr-Abraamyana «Istoriya Kryma» // Krymskij arhiv. – 2009. – № 9. – S. 228–251.
17. Прохоров Д. А. Эволюция документирования брачно-семейных отношений в караимских общинах Крыма в XIX – начале XX века (по материалам ГАРК) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2022. – Вып. 27. – С. 663–684.
Prohorov D. A. Ehvoljuciya dokumentirovaniya brachno-semejnyh otnoshenij v karaimskih obshchinah Kryma v XIX – nachale XX veka (po materialam GARK) // Materialy po arheologii, istorii i ehtnografii Tavrii. – 2022. – Vyp. 27. – S. 663–684.
18. Прохоров Д. А., Латышева Е. В. Иудейские общины Крыма и внутренняя колонизация в Российской империи (конец XVIII – первая половина XIX века) // Журнал фронтирных исследований. – 2023. – Т. 8, № 1(29). – С. 129–145.
Prohorov D. A., Latysheva E. V. Iudejskie obshchiny Kryma i vnutrennyaya kolonizaciya v Rossijskoj imperii (konec XVIII – pervaya polovina XIX veka) // Zhurnal frontirnyh issledovanij. – 2023. – T. 8., № 1(29). – S. 129–145.

19. Прохоров Д. А., Латышева Е. В. Фонды метрических книг как источник по изучению истории этноконфессиональных общин Крыма (по материалам ГАРК) // Материалы по археологии, истории и этнографии Таврии. – 2023. – Вып. 28. – С. 641–653.

Prohorov D. A., Latysheva E. V. Fondy metricheskikh knig kak istochnik po izucheniyu istorii etnokontsional'nykh obshchin Kryma (po materialam GARK) // Materialy po arheologii, istorii i etnografii Tavrii. – 2023. – Vyp. 28. – S. 641–653.

20. Российский государственный исторический архив (РГИА), ф. 821, оп. 8, д. 487.

Rossiiskij gosudarstvennyj istoricheskij arkhiv (RGIA), f. 821, op. 8, d. 487.

21. Сумароков П. И. Досуги крымского судьи или второе путешествие в Тавриду. – СПб.: Императорская тип., 1805. – 244 с.

Sumarokov P. I. Dosugi krymskogo sud'i ili vtoroe puteshestvie v Tavridu. – SPb.: Imperatorskaya tipografiya, 1805. – 244 s.

22. Таврическая губерния. Первая всеобщая перепись населения Российской империи, 1897; Издание Центрального статистического комитета МВД; под ред. Н. А. Тройницкого. – СПб., 1904. – [6], XXVI, 310 с.

Tavricheskaya guberniya. Pervaya vseobshchaya perepis' naseleniya Rossijskoj imperii, 1897; Izd-ie Central'nogo statisticheskogo komiteta MVD; pod red. N. A. Trojnickogo. – SPb., 1904. – [6], XXVI, 310 s.

23. Тюркские народы Крыма: Караимы. Крымские татары. Крымчаки / В. А. Тишков, С. В. Чешко, Л. В. Чижова, Ш. Ф. Мухамедьяров и др.; под ред. С. Я. Козлова, Л. В. Чижовой. – М.: Наука, 2003. – 459 с.

Tyurkskie narody Kryma: Karaimy. Krymskie tatary. Krymchaki / V. A. Tishkov, S. V. Cheshko, L. V. Chizhova, Sh.F. Muhamed'yarov i dr.; pod red. S. Ya. Kozlova, L. V. Chizhovej. – M.: Nauka, 2003. – 459 s.

24. Eliashevich V. Karaite Marriage Contracts (Shetarot) from the Crimean Museums and Archives: Preliminary Results of Study // Moreshet Israel. – 2018. – Vol. 16. – November. – С. 93–108.

Prokhorov D. A. The institution of marriage and family in the Karaite and Jewish communities of Crimea at the end of the 18th - 19th centuries

The article analyzes the legal and religious aspects of marriage and family relations among Crimean Karaites and Rabbinic Jews, which are reflected in the materials of the funds of the State Archive of the Republics of Crimea and the Russian State Historical Archive, which were not previously introduced into scientific circulation, as well as in previously published sources. The dynamics of births, marriages, deaths and divorces in these ethnoconfessional groups of the Crimean population has been studied. The documents related to the regulation of marriage and family issues are considered: marriage contracts, metric books, petitions, certificates, other related materials that accompanied the process of documenting marriage and family relations, as well as various statistical information. It is concluded that, despite the gradual integration of the Karaites into the Russian linguistic and cultural space, religious dogmas and traditional intra-communal norms remained unchanged until the second half of the 19th century. In the sphere of marriage and family relations, the Karaites were guided by the rules set forth in the Tanah, the provisions formulated in the works of Karaite religious authorities of the Middle Ages, as well as the commentaries to these works by the authors of Modern times. The main authorities in the field of taking measures to comply with religious doctrines and regulate family and marriage relations were the institutions of confessional self-government. Rabbinic Jews acted in accordance with Russian legislation in matters of civil registration, which prescribed the maintenance of metric books for recording acts of civil status to rabbis. Numerous documents illustrating the evolution of marriage and family relations among Rabbinic Jews, as well as statistics on the birth rate, marriage rate, and mortality of the Karaite, Jewish, and Krymchak communities of Crimea, are a source of high informative value, allowing for a scientific reconstruction of the past of these ethnoconfessional communities in Crimea.

Keywords: Crimea, Karaites, Rabanite Jews, institution of marriage and family, religious traditions, demography, birth rate, mortality, marriages.